

тративных правонарушениях // Избр. тр. СПб., 2005. С. 999–1039.

³ Никифоров А.С. Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной ответственности. М., 2002. С. 22–23, 50, 53–58, 67, 108–120, 132–143, 162.

⁴ Кант И. Метафизика нравов // Соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 4, ч. 2.

⁵ Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву // Избр. тр.: в 4 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 222, 232, 235–240, 325, 341–361.

⁶ Пункт 1 ст. 25 федерального закона «О политических партиях».

⁷ См., напр.: ст. 50 закона Иркутской области «О муниципальных выборах в Иркутской области».

⁸ Сазонов П.А. Особенности социально-политической и правовой природы отказа в регистрации кандидата в депутаты или на выборную должность как меры правового воздействия // Академический юридический журнал. 2004. № 2. С. 25–26.

М.Ю. ФЕДОРОВ
аспирант

НЕКОТОРЫЕ ТРУДНОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О РАЗГЛАШЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ

В последнее время проблемы защиты государственной тайны привлекают к себе особое внимание со стороны не только государства, правоохранительные органы которого стоят на страже ее сохранения, но и общества в целом, хотя уголовных дел, связанных с разглашением государственной тайны, не очень много.

Обвинение по уголовным делам о разглашении государственной тайны составляет объективную сторону ст. 275, 283, а также 284 УК РФ, так как утрата секретных документов всегда сопровождается разглашением их содержания. Следует отметить, что в настоящее время количество уголовных дел данной категории, а тем более неоправдательных приговоров по указанным уголовным статьям, существенно сократилось. Это связано прежде всего с реформами в области права, а также с политической конъюнктурой, что не является предметом нашего обсуждения, однако и полностью игнорировать эти моменты мы не можем.

На примере некоторых уголовных дел мы хотели бы проанализировать трудности, с которыми сталкиваются органы следствия и должностные лица, поддерживающие обвинение в суде, в процессе доказывания факта государственной измены в форме шпионажа. Следует отметить, что описанные в данной статье особенности характерны и для других уголовных дел, возбужденных по фактам разглашения государственной тайны, расследовавшихся в последнее время.

Одним из препятствий на пути обвинения по указанным уголовным делам послужила правовая коллизия, которая явилась основанием для оправдательного приговора А. Никитину.

Суть данной коллизии состоит в следующем. 12 сентября 2001 г. Верховный Суд РФ вынес решение по жалобе А. Никитина на правомерность применения «Перечня сведений, подлежащих засекречиванию в Вооруженных Силах Российской Федерации», утвержденного приказом министра обороны РФ от 10 августа 1996 г. № 55. 6 ноября 2001 г. эта жалоба была удовлетворена. В соответствии с решением Конституционного Суда РФ признаны незаконными и недействующими с момента их принятия пп. 235, 259, 260, 287, 305, 443–445, 489 и 650 названного перечня. Другими словами, в период с 10 августа 1996 г. до внесения изменений в правовую базу Министерства обороны РФ, касающуюся защиты сведений, составляющих государственную тайну, от 6 ноября 2001 г. исследуемые нами статьи Уголовного кодекса РФ в отношении военной тайны фактически не работали, а данная коллизия создавала трудности для отправления правосудия и организации следствия по уголовным делам о разглашении государственной тайны в Вооруженных Силах России.

Еще одной обязательной для данной категории уголовных дел особенностью является необходимость проведения экспертизы разглашенных сведений на предмет их секретности и величины нанесенного ущерба, наступившего в результате их разглашения. От результатов такой экспертизы зависит квалификация преступления, а также правоприменение ч. 2 ст. 283 УК РФ. С определением грифа секретности сведений, составляющих государственную тайну, как правило, у экспертов проблем не возникает, однако для установления величины ущерба требуется ис-

пользование специальных методик, которые на сегодняшний день в России отсутствуют. Вследствие данного обстоятельства правоприменение ч. 2 ст. 283 УК РФ в настоящий момент в судебной практике фактически исключено. В связи с этим, на наш взгляд, требуется дальнейшее совершенствование законодательства в этой области.

Анализируя уголовное дело И. Сутягина, возбужденное следственным отделением УФСБ РФ по Калужской области, мы установили, что в процессе судебного производства его адвокат строил доказательную базу на основе постановления Пленума Верховного Суда СССР «О судебной экспертизе по уголовным делам» от 16 марта 1971 г. № 1, содержащего ссылки на союзное законодательство и не учитывающего современные реалии. К сожалению, следует констатировать тот факт, что юристы вынуждены в настоящий момент руководствоваться нормативными актами, касающимися судебной экспертизы, которым более 30 лет. Это негативно сказывается на расследовании уголовных дел, имеющих отношение не только к разглашению государственной тайны, и судопроизводстве по подобным делам.

Спорным моментом в судопроизводстве по уголовным делам рассматриваемой категории является применение такого сравнительно нового для российского законодательства института, как суд присяжных заседателей. Первый и пока единственный прецедент применения данного правового института имел место в уголовном процессе в отношении И. Сутягина в 2001 г. По нашему мнению, подобные уголовные процессы относятся к «высокоинтеллектуальным» и участие в них лиц, не обладающих специальными знаниями как в области юриспруденции, так и в других областях знаний, не только не способствует установлению истины, но и, напротив, препятствует отправлению правосудия. Преимущество же суда присяжных заседателей заключается именно в незаинтересованности лиц, выносящих решение о виновности подсудимого.

Достаточно остро стоит вопрос о выборе защитника для обвиняемого в разглашении государственной тайны. Хотя Конституционный Суд России и решил, что в отношении защитника не должны проводиться какие-либо проверочные мероприятия и оформляться специальные допуски, однако закономерно

возникает вопрос о сохранении государственной тайны в процессе судопроизводства. В соответствии с действующим российским законодательством лицо, на которое не оформлен специальный допуск к секретным сведениям, не подлежит уголовной ответственности за разглашение государственной тайны. Так, сторона обвинения на уголовном процессе в отношении И. Сутягина при подготовке материалов руководствовалась принципом дальнейшего нераспространения уже разглашенной информации. В связи с этим Калужский областной суд вынес 27 декабря 2001 г. определение, в котором указал на неполноту сведений, представленных следственными органами. Описанная ситуация свойственна и институту суда присяжных заседателей. На наш взгляд, данный вопрос подлежит дальнейшему обсуждению.

На примере уголовного дела, возбужденного в отношении В. Медведева, можно описать трудности, с которыми столкнулось следствие при отнесении разглашенных сведений к сведениям, составляющим государственную тайну. Топографические карты с координатной сеткой, которые В. Медведев использовал в своей работе и передал экологической организации «Байкальская экологическая волна», согласно действующим нормативным актам, были отнесены к документам, содержащим секретные сведения, однако в «Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне», действующий в это время, данные топографические карты не входили. Следует констатировать тот факт, что во многих министерствах и ведомствах регламентирующие секретное делопроизводство приказы до сих пор не приведены в соответствие с новым Перечнем, утвержденным Президентом РФ 1 февраля 2006 г., что существенно осложняет работу не только режимно-секретных отделов, но и подразделений ФСБ РФ.

Еще одну трудность для органов следствия создает отсутствие международного правового регулирования в области защиты государственных секретов. Законодательства многих стран предусматривают уголовную ответственность только в тех случаях, если деятельность лица уголовно наказуема на территории данного государства. Безусловно, что ни одно зарубежное законодательство не защищает российские государственные секреты. Этот казус позволяет избежать уго-

ловной ответственности достаточно большому контингенту лиц. Так, бывший советский гражданин С. Авражков запатентовал в США ряд изобретений в области конструирования ракетных двигателей, сведения о которых были получены им во время его работы в одном из советских научно-исследовательских институтов, но за совершение данных противоправных действий к уголовной ответственности он привлечен не был.

Также немаловажным фактором в успешной работе органов следствия по уголовным делам рассматриваемой категории является предварительная оперативная работа контрразведывательных подразделений. Именно от ее результатов напрямую зависит правоприменение указанных уголовных статей. По нашему мнению, главная задача следователя — легализовать информацию, полученную оперативным путем, и собрать исходя из нее достаточные доказательства по делу. В качестве примера неудовлетворительной оперативной работы можно привести уголовное дело, расследовавшееся УФСБ РФ по Пермской области, по факту разглашения сведений о принадлежности гражданина РФ к агентурному аппарату органов МВД РФ. Журналистов газеты «Звезда» обвиняли в разглашении государственной тайны, хотя лицо,

на которое в соответствии с действующим законодательством не оформлен допуск к сведениям, составляющим государственную тайну, нельзя рассматривать в качестве субъекта преступления по данным уголовным статьям. В дальнейшем эти лица проходили по делу как свидетели, однако можно сделать вывод, что следствие на момент возбуждения уголовного дела не могло ответить на ключевой вопрос: кто именно является субъектом преступления? А это свидетельствует о низких результатах предварительной оперативной работы.

Исходя из изложенного в данной статье, можно сделать вывод о том, что современная уголовная защита государственной тайны не отвечает реалиям настоящего времени, вследствие чего государственные секреты продолжают безнаказанно разглашаться. В юридической практике, кроме перечисленных в нашей работе, встречаются и другие трудности, свойственные уголовным делам рассматриваемой категории. Мы попытались лишь кратко охарактеризовать данные трудности. В дальнейшем они должны быть исследованы более детально в целях принятия приемлемых правовых решений для оптимизации и совершенствования российского законодательства в области защиты государственной тайны.

В.В. СКОРОБОГАТОВА

ассистент

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ ПРАВОСПОСОБНОСТИ И СУБЪЕКТИВНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

В правовой науке давно идут споры о юридической природе правоспособности. Дискуссионным остается вопрос о том, следует ли относить правоспособность к разряду субъективного права или же она представляет собой самостоятельную категорию.

Выводы о том, что правоспособность является субъективным правом, основаны прежде всего на динамической теории правоспособности, выдвинутой М.М. Агарковым¹. Согласно этой теории, правоспособность зависит не только от признания ее государством, но и от того, какими правами данное лицо обладает, в каких правоотношениях участвует.

М.М. Агарков в своей теории сделал вывод о существовании секундарного права как одного из проявлений правоспособности,

которое занимает как бы промежуточное положение между правоспособностью и субъективным правом².

Между тем С.Н. Братусь придерживается другого мнения. На его взгляд, между правоспособностью и субъективным правом нет промежуточной стадии — секундарного права, все это либо элемент правоспособности, либо субъективное право. А поскольку правоспособность — суммарно выраженная способность к правообладанию, то любые ее проявления не могут быть ничем иным, кроме как субъективным правом. Данная теория получила название статической теории правоспособности³.

По нашему мнению, даже если и допустить существование секундарного права, это